

Перспективы и возможности цифровой дипломатии

Prospects and opportunities of digital diplomacy

DOI: 10.12737/2587-6295-2021-5-2-87-101

УДК 327.8

Получено: 10.03.2021

Одобрено: 11.06.2021

Опубликовано: 25.06.2021

Синчук Ю.В.

д-р полит. наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Московского государственного лингвистического университета, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России.
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Sinchuk Y.V.

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of theory and history of international relations, Moscow State Linguistic University, Professor of the Department of theory and methodology of public administration, Academy of management of MVD of Russia; Professor of international relations, Diplomatic Academy of the MFA of Russia.
e-mail: sinchukjv@mail.ru

Каширина Т.В.

д-р ист. наук, заведующая кафедрой международных отношений Дипломатической академии МИД России.
e-mail: Kashirina73@mail.ru

Kashirina T.V.

Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation.
e-mail: Kashirina73@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу развития феномена цифровой дипломатии на современном этапе. В статье дается определение термину «цифровая дипломатия», изучаются истоки появления данного феномена и его применения в нынешнем миропорядке. Основным *методом* научного анализа при написании статьи послужил исторический метод, а также матрица SWOT-анализа. Основной фокус статьи *нацелен* на изучение применения приемов цифровой дипломатии внешнеполитическими ведомствами различных стран. В частности, рассматриваются примеры реализации деятельности через цифровую дипломатию Министерства иностранных дел Российской Федерации; обозначаются актуальные проблемы и перспективы развития деятельности ведомства на цифровом пространстве. Помимо этого, авторами рассмотрены способы воздействия цифровой дипломатии на политическую повестку дня и оказанное распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) влияние на данный феномен на глобальном и локальном уровнях. В качестве основных *выводов*, полученных при анализе указанных выше вопросов, можно выделить следующее: в настоящее время под цифровой дипломатией различных государств чаще всего подразумевается деятельность по воздействию на мнение зарубежной аудитории; именно цифровую дипломатию называют основным катализатором различных массовых протестов по всему миру; в период коронави

русной инфекции инструменты цифровой дипломатии ввиду отсутствия других методов воздействия на аудиторию вышли на новый уровень; несомненная эффективность методов воздействия на аудиторию с помощью информационно-коммуникационных технологий доказывает необходимость развития подобных инструментов и разработки альтернативной повестки в Российской Федерации. *Теоретическая и практическая значимость* работы определена актуальностью рассмотренной темы: цифровая дипломатия является неотъемлемым фактором, во многом решающим ход различных политических процессов по всему миру; кроме того, результаты проведенного в статье анализа могут быть использованы для разработки государственной стратегии в данном направлении и при непосредственной реализации.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, США, Россия, социальные сети, МИД РФ, COVID-19.

Abstract

The *main purpose* of the article is to analyze the development of the phenomenon of digital diplomacy at the present stage. The article defines the term «digital diplomacy», examines the origins of this phenomenon and its application in the current world order. The main *method* of scientific analysis were the historical method, as well as the SWOT analysis matrix. The main focus of the article is *aimed* at the use of various methods of digital diplomacy by foreign ministries of various countries. In particular, examples of the implementation of activities through digital diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation are considered; current problems and prospects for the development of the department's activities in the digital space are identified. In addition, the authors consider the ways in which digital diplomacy affects the political agenda and the impact of the spread of the new coronavirus infection (COVID-19) on this phenomenon at the global and local levels. The main *conclusions* drawn from the analysis of the above-mentioned issues include the following: currently digital diplomacy of various states is most often understood as activities aimed at influencing the opinion of the foreign audience; it is the digital diplomacy that is called the main catalyst for various mass protests around the world; in the period of coronavirus infection tools of digital diplomacy in the absence of other methods of influence on the audience reached a new level; the undoubted effectiveness of methods of impact on the audience through the information and communication technologies proves the need for the development of such tools and the development of alternative agenda in the Russian Federation. The *theoretical and practical significance* of the work is determined by the relevance of the topic: digital diplomacy is an integral factor that largely determines the course of various political processes around the world; in addition, the results of the analysis can be used to develop a state strategy in this direction and also can be helpful in direct implementation of the digital diplomacy.

Keywords: Digital diplomacy, USA, Russia, social networks, Russian Foreign Ministry, COVID-19.

Введение

Основная цель статьи – изучить специфику реализации цифровой дипломатии на настоящем этапе. Понятие «цифровая дипломатия», которое довольно часто применяется наравне с такими терминами [9; 12; 13], как «дипломатия социальных сетей» или «интернет-дипломатия», в первый раз был применено по отношению к внешней политике Соединенных Штатов Америки. Если рассматривать этот термин подробнее, то он подразумевал открытое и широкое применение различных ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) на просторах Интернета и вне его пределов с целью установления контакта с различной целевой аудиторией по вопросам, связанным с внешней политикой страны [15, с. 109–122].

Еще одно определение термина можно встретить в работах Е.С. Зиновьевой: «Цифровая дипломатия — одно из направлений публичной дипломатии, ориентированное на вовлечение в дипломатическую практику широких слоев населения, а не на взаимодействие с политиче-

ской и дипломатической элитами зарубежных государств» [1, с. 56]. На сегодняшний день можно наблюдать, как социальные сети и другие платформы все чаще используются в виде инструментов политической пропаганды. Их основным преимуществом является не только ведение диалога с аудиторией, но и возможность получения моментальной обратной связи.

Взаимодействие первых лиц государств и различных представителей ведомств, отвечающих за внешнюю политику, посредством сети Интернет и социальных сетей получает большое внимание и, безусловно, раскрывает новый коммуникационный потенциал. На сегодняшний день одними из эффективных и актуальных способов взаимодействия с электоратом являются проведение онлайн-дебатов в прямом эфире или обращение к интернет-пользователям напрямую.

Цифровая модель дипломатии все дальше уходит от традиционной. Если ранее дипломаты коммуницировали с общественностью с помощью различных печатных изданий или публичных выступлений, то сейчас взаимодействие возможно в режиме онлайн, в интерактивной и часто неформальной манере, что позволяет оперативно задавать информативную картину и устанавливать повестку дня [16].

Стоит заметить, что модель цифровой дипломатии практически никак не регулируется международными нормативно-правовыми актами, в том числе и Венской конвенцией дипломатических отношений. По этой причине цифровая дипломатия может образовывать такие свои тенденции, как более свободное и неформальное общение. Однако внешнеполитические ведомства создают инструкции, которые обозначают сотрудникам рамки дозволенного. Ведь всего один ошибочный или непонятный по своей формулировке «твит» может не только вызвать негативную реакцию и поток критики, но и спровоцировать нестабильную мировую и экономическую ситуацию [15].

Огромные возможности для дипломатии состоят в развитии потенциала многостороннего взаимодействия, коммуникации, получения информации и обмена, а также анализа зарубежной аудитории. По этой причине так важен вопрос способности адаптации Министерства иностранных дел к новым каналам связи и коммуникации в сфере ИКТ.

С прикладной точки зрения, скорее всего, все сведется к тому, что подразделения внешнеполитических ведомств, отвечающих за информационные технологии, станут активными, если не ключевыми, участниками процесса стратегического планирования. Можно предположить, что вскоре появятся новые форматы цифрового, как внутреннего, так и внешнего дипломатического общения, что повлечет за собой повышение требований к информационной культуре [15].

Обзор научной литературы

Понятие «цифровая дипломатия» появилось относительно недавно. Так, если ранее дипломатия в большинстве своем заключалась только во взаимодействии ответственных ведомств различных стран и представляла собой закрытую сферу деятельности, то с развитием таких информационных технологий, как телевидение и, в особенности, Интернет, дипломатия плавно перетекла в публичную сферу деятельности. Соответственно, как научная и политическая категории данный феномен оформился только после полноценного его вхождения на политическую арену и встраивания в политические процессы. По аналогии с понятием «цифровая дипломатия» используются понятия «электронная дипломатия», «веб-дипломатия», кибердипломатия, дипломатия социальных сетей, Web 2.0 дипломатия.

Данный феномен зародился в Соединенных Штатах Америки, именно там началась научная деятельность в этом направлении.

Основоположником направления считается специалист Ф. Хансон. Ученый определяет цифровую дипломатию как реализацию достижения национальных целей с помощью использования информационных технологий и социальных сетей [19]. Другая исследовательница из США П. Доши, профессор Школы коммуникаций Американского университета

(США), цифровой дипломатией называет взаимодействие глав государств, высокопоставленных лиц и правительств стран между собой и с населением [18].

В то же время, отечественная исследовательница М. Цветкова считает, что Web 2.0 дипломатия – это один из способов оказания влияния на зарубежную аудиторию [15]. По оценке специалистов Д. Поповой и К. Назаретян, диджитал-дипломатия – способ влияния через социальные сети на население других стран, в частности, на настроения молодежи и протестных групп [12].

Директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России О. Карпович и начальник отдела Департамента информации и печати МИД России Г. Троянский видят в цифровой дипломатии одну из разновидностей публичной дипломатии, использующую современные средства коммуникации с целью укрепления дипломатических отношений [4].

Таким образом, работы, посвященные цифровой дипломатии, в основном фокусируются на рассмотрении данного феномена в контексте влияния на иностранную аудиторию с помощью современных технологий и социальных сетей.

В данном контексте любопытно рассмотреть позицию исследовательницы Т. Зоной. В своей статье «Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе» специалист указывает, что Министерством иностранных дел Российской Федерации успешно реализуется дипломатическая деятельность в цифровом пространстве, а именно ведение аккаунта ведомства в Facebook [2]. Несомненно, нельзя отрицать, что присутствию ведомства в данной социальной сети уделяется время, однако при анализе страницы МИД РФ можно увидеть, что основная масса сообщений на стене написана на русском языке, без дублирования данного текста на английском или любом другом языке (см. рис. 1). По мнению авторов, данный подход обесценивает деятельность Министерства в данном направлении. Стоит учитывать, что аудитория данной соцсети преимущественно иностранная, Facebook не является самым популярным сайтом общения и получения информации среди российских пользователей, не говоря уже об изначальной цели деятельности ведомств, отвечающих за внешнеполитическую политику государств – взаимодействие с другими странами и их населением. Таким образом, мы можем говорить, что активность МИД РФ в Facebook не является цифровой дипломатией.

Рис. 1. Аккаунт в Facebook Министерства иностранных дел Российской Федерации¹

Схожее мнение можно встретить в работе З. Шахуда, в которой исследователь проанализировал работу дипломатических миссий Российской Федерации в сети в странах арабского мира. Анализ показал, что не все посольства и консульства имеют аккаунты в социальных сетях (Твиттер, Facebook, Instagram), и лишь малая часть из существующих аккаунтов ведут вещание на арабском языке, также как и отсутствует перевод сайтов посольств на язык региона. Таким образом, не выполняется основное условие реализации цифровой дипломатии – вещание на языке целевой аудитории [17].

Подтвердить данную позицию поможет исследование И. Кауфовой и Б. Кауфовой, которые говорят о том, что главным инструментом цифровой дипломатии являются коммуникативные стратегии, которые, в свою очередь, представляют из себя комплекс речевых стратегий, направленных на достижение определенной коммуникативной цели [5].

Исследовательница Н. Кулиш рассматривает цифровую дипломатию как одну из составных частей публичной дипломатии, получившую развитие в эпоху современных информационных технологий. Также, по ее мнению, несомненным преимуществом инновационной дипломатии является скорость ответа и взаимодействия в сравнении с зачастую неповоротливыми аппаратами внешнеполитических ведомств. В то же время цифровая дипломатия является скорее средством пропаганды, нежели основным каналом связи между министерствами иностранных дел государств [8].

Ввиду скорости коммуникации посредством информационных средств старший научный сотрудник Центра изучения политических элит Института международных исследований МГИМО МИД России К. Петров называет одной из функций цифровой дипломатии антикризисную коммуникацию. Такая функция может осуществляться как по отношению к населению (оповещение о чрезвычайной ситуации), так и между работниками дипломатической миссии или других подразделений внешнеполитических ведомств (чат в мессенджере). Однако в силу незащищенности информации в медиапространстве такая работа требует особенно тщательного подхода [11].

¹ Страница аккаунта в Facebook Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: <https://www.facebook.com/MIDRussia/> (дата обращения: 13.05.2021).

Методы

Основной методологической базой написания статьи послужил исторический метод. Ввиду специфики темы и особенностей реализации цифровой дипломатии использовались принципы контент-анализа, ивент-анализа, которые позволили изучить деятельность органов власти, ответственных лиц и других акторов, а также документы в сфере цифровой дипломатии различных стран. С помощью методов были проанализированы вышеуказанные данные в историческом и социальном контексте, согласно методике основоположника данного направления научного познания Г. Лассуэла, изучавшего пропагандистские материалы нацистской Германии во время Второй мировой войны.

Также качественно проанализировать все аспекты цифровой и традиционной дипломатий позволил метод SWOT-анализа, матрица которого отобразила сильные и слабые стороны обоих видов дипломатии, а также их возможности совершенствования и основные угрозы реализации.

Результаты анализа

Истоки появления цифровой дипломатии

Важной областью осуществления стратегий в дипломатической работе становится социальная сфера в цифровом сообществе (digital social environment), которая определяется как проводник, а социальные сети, платформы – естественным методом воздействия.

Появление цифровой дипломатии обычно связывается с активностью экс-госсекретаря США Хиллари Клинтон. В тот момент стало ясно, что социальные сети дают возможность коммуницировать с безграничным числом людей, вне зависимости от страны и места их проживания. Это не только частично находит отражение в понятии «мягкой силы» (soft power), но и «умной силы» (smart power). Основной задачей данной силы было формирование позитивного образа страны за ее пределами, а также обеспечение интернациональной безопасности с помощью каналов цифровой дипломатии [1, с. 215].

На сегодняшний момент у страницы Госдепа в Facebook 2,3 млн подписчиков, а в Twitter – 6,1 млн. Данные учетные записи контролируются сотрудниками Государственного Департамента США и специалистами, находящимися за пределами Соединенных Штатов Америки. Так что появление США на первых местах различных рейтингов в вопросах цифровой дипломатии не вызывает большого удивления.

Такие социальные сети, как Twitter и Facebook до сих пор являются одними из наиболее политизированных соцплатформ на международной арене. Этот факт легко отследить по количеству учетных записей и сообществ, принадлежащих политикам, а также государственным и общественным организациям. YouTube также стал одним из важнейших инструментов распространения информации, который в равной степени с ранее названными платформами дает возможность быстро получить отклик аудитории и корректировать политическую повестку дня.

Определяя момент зарождения цифровой дипломатии, требуется подвести промежуточный итог, что развитие этого процесса началось в январе 2009 г. с приходом Хиллари Клинтон на пост главы Государственного Департамента США. Также, кроме открытых и публичных программ, появилось направление скрытой подготовки различных интернет-активистов и сообществ в сети Интернет, неподконтрольных легитимным властям государства. По этой причине, уже с начала 2010-х годов в России все чаще упоминается необходимость создания государственных программ кибербезопасности, в том числе и в социальных сетях [6].

Появление социальных сетей в России

Чтобы определить истоки появления зарубежных социальных сетей в Российской Федерации, следует выделить платформу LiveJournal.com, появившуюся еще в 1999 г. Она стала первым популярным зарубежным сервисом на территории нашей страны и через определенное время превратилась в один из важнейших факторов общественной дискуссии и внутренней политики.

Чуть позже, в 2006 г., произошло несколько примечательных событий, а именно появление в сети Интернет социальной сети Twitter, а в российском сегменте сети Интернет таких социальных платформ, как «Одноклассники» и «ВКонтакте». Последняя создавалась во многом как клон Facebook, но со временем развилась в самостоятельную платформу со своим интерфейсом. На данный момент является самой популярной социальной сетью в России.

Стоит заметить, что президент Российской Федерации Владимир Путин во время выступления в МИД РФ в июле 2012 г. высказал крайнее недовольство из-за отсутствия собственных практик цифровой дипломатии, что дало значительный толчок активизации создания официальных учетных записей государственных структур в соцсетях и в сети Интернет².

Сегодня МИД РФ представлен на нескольких платформах, самый популярный из них – аккаунт в Twitter (@MID_RF), который собрал 1,1 млн читателей, а также канал на YouTube с аудиторией 28,8 тыс. подписчиков. Есть и учетная запись в Facebook, содержащая порядка 447 тыс. подписчиков. В рейтинге «Цифровой дипломатии» (Digital Diplomacy Index) Россия занимает восьмое место после Великобритании, Франции и США [3].

Facebook-дипломатия и ее возможности

При всех возможностях Facebook, его влияние на международное сообщество все же имеет границы. Хотя социальная сеть довольно эффективна в возможностях влияния на формирование международной повестки и информирования большого количества аудитории, она вряд ли сможет создать условия, которые требуются для дестабилизации общества.

Сегодня социальные сети скорее можно отнести к индикаторам общественного настроения и состояния массового сознания, чем к инструменту формирования мнения аудитории. Несмотря на это, они обладают эффектом предварительной подготовки активистов среди населения вне сети Интернет.

По этой причине Facebook-дипломатия является больше инструментом для проверки гипотез и расширения позиций в краткосрочной перспективе. Стоит заметить, что это не отменяет долговременной работы с целью формирования мнения общества в долгосрочной перспективе, подобно другим инструментам публичной дипломатии и политики [6].

Ярким примером формирования общественного мнения являются факты блокировки страниц бывшего президента США Дональда Трампа и его сторонников руководством Фейсбука. Блокировка началась сразу после проведения выборов главы государства и штурма Капитолия сторонниками экс-президента. Работники социальной сети оправдали такую меру тем, что высказывания Трампа и его сторонников относительно штурма Капитолия являются «подрывающими процесс мирной передачи власти» Байдену.

Кроме того, стоит упомянуть аккаунт премьер-министра Индии Нарендры Моди в данной социальной сети. По состоянию на май 2021 г. страница насчитывала порядка 46 млн пользователей по всему миру, большая часть из которых – граждане страны. Кроме того, население страны представляет наиболее перспективное направление развития социальной

² Сайт Президента Российской Федерации, «Совещание послов и постоянных представителей России» URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902> (дата обращения: 14.05.2021).

сети, что позволяет руководству Индии диктовать свои условия функционирования Facebook руководству компании³.

Дальнейшие перспективы цифровой дипломатии и социальных сетей

Согласно данным исследовательской компании Mediascope, к 2019 г. пользователями Интернета стали 78% населения России⁴. Это означает, что практически все взрослое население вовлечено в интерактивные медийные коммуникации. Коммуникации в киберпространстве становятся все более персонализированными и разнообразными, поэтому заметен рост интереса к персональным блогам и аккаунтам в соцсетях.

На данный момент социальная сеть Instagram, которая фактически принадлежит Facebook, активно набирает популярность. Также социальная сеть Twitter постепенно превращается в один из наиболее важных способов налаживания обратной связи. Очевидно, что из Facebook и Twitter дипломатия никуда не исчезнет, а скорее будет только набирать обороты.

Помимо этого, необходимо заметить повышение влияния визуальных приложений и социальных сетей, как тех, что имеют статичное изображение (Instagram, Pinterest), так и динамический контент (YouTube, Vine).

Если говорить про Россию, то можно выделить усиление государственного регулирования контента в различных социальных платформах и сети Интернет. Это вызывает справедливые опасения по поводу несоразмерных санкций или злоупотреблений этой возможностью разными группами.

Можно сделать предположение, что цифровая дипломатия и иные виды интерактивной политической коммуникации имеют большое будущее в силу внедрения в жизнь новых коммуникационных практик и технологических новшеств. Уже сегодня сфера цифровой дипломатии и интернет-технологий имеет большой потенциал, для реализации которого имеются как технические, так и интеллектуальные ресурсы [6].

Популярность социальных сетей обусловлена рядом причин: доступность новых технологий и появление кроссплатформенных приложений, мессенджеров и программ. Уже сегодня соцсети, блоги и подкасты можно отнести к так называемым «новым медиа», которые позволяют аудитории самостоятельно формировать повестку дня в реальном времени и общаться с другими пользователями в неформальном ключе. Социальные платформы стали одними из постоянных помощников пресс-служб различных ведомств в вопросах цифровой дипломатии.

Постоянное стремление к модернизации инструментов подразумевает под термином «цифровая дипломатия» значительно больше, чем просто использование социальных сетей в политических и других целях. Любопытно, что наибольшее внимание инвесторов сейчас привлекают такие технологии, механизмы которых могут развиваться сами по себе, без вмешательства людей. Можно сказать, что на сегодняшний день технический и научный потенциал является одним из ключевых факторов высокого имиджа государства в мире [10].

Цифровая дипломатия и COVID-19

Пандемия коронавирусной инфекции (COVID-19) затронула почти все сферы жизни, в том числе и дипломатию. Пример МИД РФ позволяет четко отследить появление новых тенденций в области цифровой дипломатии после введения ограничительных мер. Хочется отметить увеличение практического использования цифровых технологий – проведение официальных встреч с помощью различных интернет-платформ. Также значимым примером является появление бета-версии сайта sos.midhelp.ru – справочно-консультационного портала

³ Сайт издания «Газета.ру», «Золотой миллиард»: WhatsApp рискует потерять Индию». URL: https://www.gazeta.ru/tech/2021/02/03_a_13465514.shtml?updated (дата обращения: 14.05.2021).

⁴ Сайт исследовательской компании Mediascope, «Mediascope расширила измерения мобильного интернета до всей России». URL: <https://mediascope.net/news/1067271/> (дата обращения: 14.05.2021).

Департамента ситуационно-кризисного центра (ДСКЦ) МИД России «Безопасное пребывание за рубежом» (см. рис. 2).

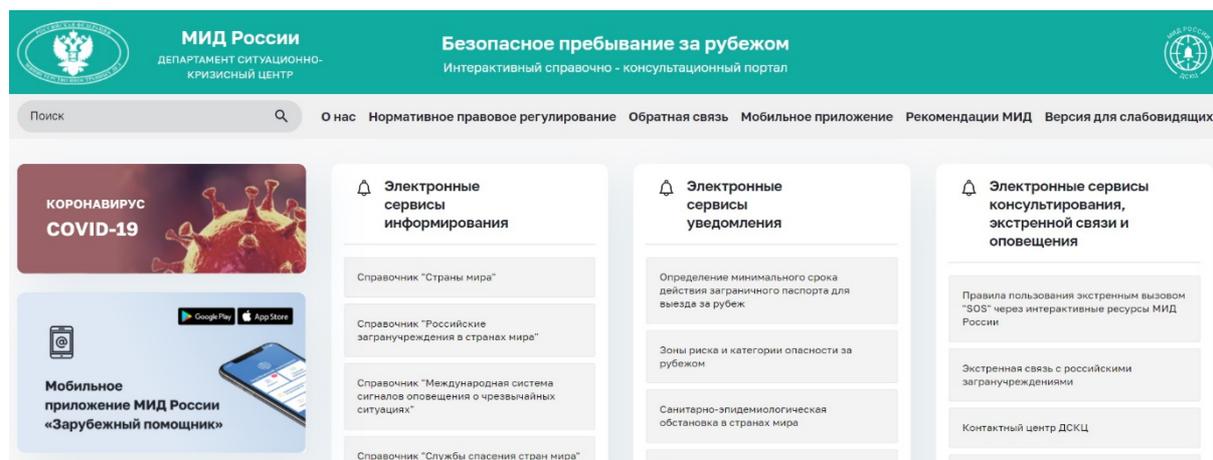

Рис. 2. Сайт сетевого проекта МИД⁵

Можно предположить, что это было осуществлено для того, чтобы сделать МИД более доступным тем гражданам России, которые не могут установить себе приложение «Зарубежный помощник». Более того, МИД РФ использовал новую методику взаимодействия с аудиторией, публикуя на своих официальных страницах истории граждан, получивших помощь от Министерства в период пандемии коронавируса. Это позволило значительно увеличить интерес пользователей и способствовало формированию положительного образа внешнеполитического ведомства.

Пандемия и ее последствия внесли коррективы и в формат коммуникации первых лиц государства с гражданским населением. Примером нового формата общения может являться проведенный 7 мая 2020 г. директором Департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ Марией Захаровой прямой эфир в Instagram. Основной темой эфира стало возвращение граждан РФ из-за рубежа в Россию в разгар пандемии.

Стоит заметить, что ограничения повлияли и на способы коммуникации с иностранными коллегами других стран. Новым форматом взаимодействия стали онлайн-совещания – глава МИД РФ С. Лавров принял участие в подобной встрече Министров иностранных дел Организации Договора коллективной безопасности (ОДКБ), а также во встрече глав внешнеполитических ведомств стран нормандской четверки. Но хочется подчеркнуть, что, невзирая на различные способы криптографического шифрования информации в различных приложениях и сети Интернет, конфиденциальность данных встреч все же не может быть полностью обеспечена [7].

Однако, несмотря на успехи и возможность адаптации внешнеполитического ведомства к реалиям современного мира, требуется отметить и проблему, которая все еще остается актуальной для Министерства иностранных дел РФ при организации своей деятельности на просторах сети Интернет: большинство публикаций МИД РФ доступны только тем, кто владеет русским языком.

Тезис о том, что целевой аудиторией цифровой дипломатии МИД России являются именно граждане РФ [14], подтвердился и во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19. Обозначим свои наблюдения в матрице SWOT-анализа (см. табл.).

⁵ Портал Департамента ситуационно-кризисного центра URL: <https://sos.midhelp.ru/> (дата обращения: 12.05.2021).

SWOT-анализ специфики цифровой и традиционной дипломатии

	Цифровая дипломатия	Традиционная дипломатия
Сильные стороны	<p>обращение к целевой аудитории напрямую, что способствует налаживанию непосредственного контакта с населением страны и обеспечивает влияние на мнение данного населения;</p> <p>возможность трансляции официальной позиции государства за рубежом, избегая искаженного представления местными СМИ;</p> <p>цифровая дипломатия выступает одним из наиболее быстрых способов передачи информации за рубежом, особенно в условиях чрезвычайных ситуаций</p>	<p>традиционная дипломатия все еще в современных реалиях остается главным способом взаимодействия государств;</p> <p>традиционную дипломатию отличают защищенные и надежные каналы связи;</p> <p>традиционная дипломатия позволяет проводить переговоры между высокопоставленными лицами, в том числе закрытые;</p> <p>установленные правила и нормы зачастую помогают избегать различных оплошностей</p>
Слабые стороны	<p>одним из наиболее очевидных рисков использования цифровой дипломатии является вероятность взлома сайтов и социальных сетей дипломатических представителей и утечка информации;</p> <p>также за счет высокого внимания к активности высокопоставленных лиц в цифровом пространстве легко не только улучшить имидж страны, но и разрушить его с помощью неосторожных слов</p>	<p>традиционная дипломатия в большей степени является способом взаимодействия «государство-государство», нежели «государство-население», поэтому в данном контексте традиционная дипломатия не является эффективным инструментом «мягкой силы» в отличие от цифровой дипломатии;</p> <p>в силу сложных государственных механизмов, в рамках которых существует традиционная дипломатия, данный тип дипломатии не всегда своевременно реагирует на вызовы и доносит информацию до целевой аудитории</p>

<p>Возможности совершенствования</p>	<p>учитывая вышеизложенные риски реализации цифровой дипломатии, возможностями ее совершенствования могут являться использование более защищенных каналов связи; выработка определенного этикета или норм взаимодействия высокопоставленных лиц в цифровом пространстве;</p> <p>в российских реалиях огромным шагом для совершенствования данного направления деятельности государства является развитие собственных каналов и собственной повестки в цифровом пространстве, а также усиление работы по обращению к иностранной аудитории посредством перевода контента на английский и другие языки</p>	<p>во многом преимущества традиционной дипломатии заключаются в ее устоявшихся и закреплённых нормах и традициях, однако современные реалии требуют определенной степени совершенствования (одним из путей такого совершенствования является упор на публичную и цифровую дипломатию ввиду огромного влияния последних на обстановку внутри страны и в мире, однако многие процессы традиционной дипломатии также требуют более современного подхода и цифровизации); кроме этого, примером направления для совершенствования деятельности традиционной дипломатии МИД РФ является деятельность посольств и культурных центров России за рубежом, данная деятельность наряду с цифровой дипломатией может выступать инструментом мягкой силы при условии эффективной ее реализации</p>
--------------------------------------	--	--

<p>Наибольшие угрозы применения</p>	<p>в силу специфики реализации цифровой дипломатии, а именно ее направленности на зарубежную аудиторию, угрозами при применении данной деятельности Российской Федерации являются отсутствие собственных эффективных инструментов цифровой дипломатии и большая популярность таких социальных сетей, контролируемых зарубежными цифровыми корпорациями, как Facebook, Instagram, YouTube;</p> <p>кроме того, что доля участия российских акторов в мировом информационном поле достаточно низка, она может контролировать вышеуказанными сервисами.</p>	<p>наибольшей угрозой в части оказания влияния на население различных стран является неэффективная реализация дипломатии ввиду отсутствия данного вопроса в первостепенной повестке деятельности ответственных организаций и отсутствия применения современных технологий; основными институтами, ответственными за реализацию воздействия на зарубежную аудиторию, являются российские посольства, консульства и культурные центры, однако взаимодействию с иностранной аудиторией в данных организациях отводится далеко не главное место в повестке, ввиду чего направление не развивается, все еще применяются устаревшие методы влияния на аудиторию.</p>
-------------------------------------	---	--

Выводы

В качестве итога хочется отметить, что пандемия коронавирусной инфекции значительно повлияла на развитие и использование цифровой дипломатии, а также внедрение новых инструментов общения с аудиторией. Это говорит о том, что внешнеполитические ведомства затрачивают большое количество ресурсов на развитие своей деятельности в информационном поле, в частности в условиях пандемии. Обзор научных определений понятия «цифровая дипломатия» и анализ практики ее применения позволяют сделать вывод, что чаще всего под цифровой дипломатией понимается деятельность государства с целью воздействия на мнение иностранной аудитории.

Последние десятилетия доказали неоспоримую эффективность применения цифровой дипломатии в качестве инструмента «мягкой силы», способа влияния на настроения и мнения населения, в частности, в других странах. Многие эксперты называют воздействие с помощью ИКТ основным катализатором таких массовых процессов, как «Арабская весна», события в Украине в 2013 г., массовые протесты в Беларуси в прошлом году и др.

Пандемия COVID-19, ограничившая возможности передвижения для практически абсолютно всех людей, вывела использование информационных технологий на новый уровень. Интернет и социальные сети стали практически единственным каналом связи и инструментом влияния на аудиторию.

Ярким примером регулирования мнений является блокировка руководством Facebook аккаунтов бывшего президента США и его сторонников.

Уникальной соцсетью в данном вопросе является популярный сейчас TikTok. Механизмы приложения настроены так, что определяют вкусы пользователя на основе его «лайков», продолжительности просмотра роликов и переходов на страницы других пользователей. С помощью собранных данных в ленте пользователя механизмы отображают только тот контент, который мог бы ему понравиться, создавая, таким образом, для пользователя некую «свою реальность» и информационный вакуум.

На основе приведенных примеров мы видим, что информационные технологии – один из мощнейших инструментов воздействия на целевую аудиторию. Обладая большим потенциалом в условиях отсутствия собственных ресурсов противостояния иностранному воздействию, цифровая дипломатия других государств может стать опасным фактором, определяющим развитие политических процессов в стране.

В настоящее время в Российской Федерации активно развивается деятельность по цифровой дипломатии, однако по многим факторам российская цифровая дипломатия пока не может противостоять зарубежной. Помимо этого, различные кибератаки, утечки данных и продажа их владельцами наиболее популярных сейчас социальных сетей подтверждают необходимость создания собственных инструментов цифровой дипломатии.

Литература

1. *Зиновьева Е.С.* Цифровая дипломатия США: возможности и угрозы для международной безопасности //Индекс Безопасности. – 2013. – № 1(104). – С. 215.
2. *Зонова Т.В.* Цифровая дипломатия в дипломатической и консульской службе //Право и управление. – 2015. – №3. – С. 176-183.
3. Индекс цифровой дипломатии [Электронный ресурс]. URL: <https://digital-diplomacy-index.com>. (дата обращения: 06.02.2021).
4. *Карпович О.Г., Троянский Г.М.* Особенности использования цифровой дипломатии иностранными внешнеполитическими ведомствами и международными организациями // Дипломатическая служба. – 2020. – № 4. – С. 96-105. – DOI 10.33920/vne-01-2004-11.
5. *Кауфова И.Б., Кауфова Л.А.* Коммуникативные информационные стратегии цифровой дипломатии Великобритании //Современные исследования социальных проблем. – 2020. – Т. 12. – № 5. – С. 178-192. – DOI 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192.
6. *Корнев М.* Дипломатия Веб 2.0: как Фейсбук и социальные сети меняют мировую политику [Электронный ресурс]. URL <https://russiancouncil.ru> (дата обращения: 06.02.2021).
7. *Кулик С.А.* «Электронная дипломатия. Начало» [Электронный ресурс] Институт современного развития. – 2013. URL: http://www.insor-russia.ru/files/EDiplomacy_0.pdf. (дата обращения: 08.03.2021).
8. *Кулиш Н.А.* Твиттер-дипломатия в системе современных международных отношений //Научные Записки ОрелГИЭТ. – 2020. – № 4. – С. 76-85.
9. *Лебедева М.М.* Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. /Под ред. М.М. Лебедевой. – Москва: «Аспект Пресс». 2017. – 272 с.
10. *Лебедева О.В.* Современные инструменты «цифровой дипломатии» как важнейший элемент мягкой силы [Электронный ресурс] // Международная жизнь. – 2019. – № 5. – С. 102-111. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22665> (дата обращения: 06.02.2021).
11. *Петров К.Е.* Цифровая дипломатия в работе консульской службы США //Международная аналитика. – 2019. – №3. – С. 7-15. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-3-7-15>.
12. *Попова Д., Назаретян К.* Сетевая демократия //Журнал общественной дипломатии «Дипломатика». – 2012. – № 4. – С. 189.
13. *Рябиченко А.* Цифровая дипломатия вчера и сегодня 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (дата обращения: 11.02.2021).
14. *Слуцкая М.* Как COVID-19 повлиял на практику цифровой дипломатии в России 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/> (дата обращения: 06.02.2021).
15. *Цветкова Н.А.* Программа WEB 2.0 в публичной дипломатии США //США. Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 3. – С. 109-122.

16. Шакиров О. Будущее цифровой дипломатии 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/news/budushhee-tsifrovoj-diplomatii/> (дата обращения: 24.02.2021).
17. Шахуд З. Цифровая дипломатия МИД РФ в странах арабского мира // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 10(75). – С. 20-24. – DOI 10.24158/пер.2019.10.3.
18. Doshi P. Digital Diplomacy: Changing the World Through Communication // American University School of Communication – 2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.american.edu/soc/news/digital-diplomacy-q-a.cfm> (дата обращения: 08.02.2021).
19. Hanson F. Revolution @State: The Spread of eDiplomacy // Lowy Institute – 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/03_ediplomacy_hanson.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

References

1. Zinov'eva E.S. Tsifrovaya diplomatiya SShA: vozmozhnosti i ugrozy dlya mezhdunarodnoy bezopasnosti, [Digital Diplomacy of the United States: Opportunities and threats to International security]. *Indeks Bezopasnosti* [Security Index]. 2013, I. 1(104), 215 p. (In Russian).
2. Zonova T.V. Tsifrovaya diplomatiya v diplomaticheskoy i konsul'skoy sluzhbe, [Digital diplomacy in the Diplomatic and Consular Service]. *Pravo i upravlenie* [Law and administration]. 2015, V. 3. pp. 176-183. (In Russian).
3. Indeks tsifrovoy diplomatii [Digital diplomacy index]. Available at: <https://digital-diplomacy-index.com>. (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
4. Karpovich O.G., Troyanskiy G.M. Osobennosti ispol'zovaniya tsifrovoy diplomatii inostrannymi vneshnepoliticheskimi ведомствami i mezhdunarodnymi organizatsiyami [Features of the use of digital diplomacy by foreign foreign ministries and international organizations]. *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic service]. 2020, I. 4, pp. 96-105. DOI 10.33920/vne-01-2004-11. (In Russian).
5. Kaufova I.B., Kaufova L.A. Kommunikativnye informatsionnye strategii tsifrovoy diplomatii Velikobritanii [Communicative information strategies of digital diplomacy in Great Britain]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern studies of social problems]. 2020, V. 12, I. 5, pp. 178-192. DOI 10.12731/2077-1770-2020-5-178-192 (In Russian).
6. Kornev M. Diplomatiya Veb 2.0: kak Feysbuk i sotsial'nye seti menyayut mirovuyu politiku» [Web 2.0 Diplomacy: How Facebook and Social media are Changing Global Politics]. Available at: <https://russiancouncil.ru> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
7. Kulik S.A. Elektronnaya diplomatiya. Nachalo [Electronic diplomacy. Beginning]. *Institut sovremennogo razvitiya*. [Institute of modern development]. 2013. Available at: http://www.insorussia.ru/files/EDiplomacy_0.pdf. (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
8. Kulish N.A. Twitter-diplomatiya v sisteme sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniy [Twitter-diplomacy in the system of modern international relations]. *Nauchnye Zapiski OrelGIET* [Scientific Notes of OrelGIET]. 2020, V. 4, pp. 76-85. (In Russian).
9. Lebedeva M.M. *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika: Na-uchnoe izdanie* [Public Diplomacy: Theory and Practice: Scientific publication]. Izdatel'stvo «Aspekt Press» Publ., 2017, 272 p. (In Russian).
10. Lebedeva O.V. Sovremennye instrumenty tsifrovoy diplomatii" kak vazhneyshiy element myagkoy sily [Modern tools of digital diplomacy as the most important element of soft power]. *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 2019, I. 5, pp. 102-111. Available at: <https://interaffairs.ru/news/show/22665> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
11. Petrov K.E. Tsifrovaya diplomatiya v rabote konsul'skoy sluzhby SshA [Digital diplomacy in the work of the US Consular Service]. *Mezhdunarodnaya analitika* [International analytics]. 2019, I. 3, pp. 7-15. DOI: <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2019-0-3-7-15>. (In Russian).
12. Popova D., Nazaretyan K. Setevaya demokratiya [Network democracy] *Zhurnal obshchestvennoy diplomatii «Diplomatika»* [Journal of Public Diplomacy "Diplomatika"]. 2012. I. 4, P. 189.

13. Ryabichenko A. Tsifrovaya diplomatiya vchera i segodnya. [Digital diplomacy yesterday and today]. 2018. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/tsifrovaya-diplomatiya-vchera-i-segodnya/> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
14. Slutskaya M. Kak COVID-19 povliyal na praktiku tsifrovoy diplomatii v Rossii. [How COVID-19 affected the practice of digital diplomacy in Russia]. 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/digitaldiplomacy/kak-covid-19-povliyal-na-praktiku-tsifrovoy-diplomatii-rossii/> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
15. Tsvetkova N.A. Programma WEB 2.0 v publichnoy diplomatii SShA [Web 2.0 Programs in US Public Diplomacy]. *SShA. Kanada : ekonomika, politika, kul'tura*. [Usa and Canada: economics, politics, culture,] 2011, I. 3, pp. 109-122. (In Russian).
16. Shakirov O. Budushchee tsifrovoy diplomatii 2018 g. [The Future of Digital Diplomacy]. Available at <https://www.csr.ru/ru/news/budushhee-tsifrovoj-diplomatii/> (Accessed: 06.02.2021). (In Russian).
17. Shakhud Z. Tsifrovaya diplomatiya MID RF v stranakh arabskogo mira [Digital Diplomacy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the Arab World]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law]. 2019, I. 10 (75), pp. 20-24. DOI 10.24158/pep.2019.10.3. (In Russian).
18. Doshi P. Digital Diplomacy: Changing the World Through Communication, *American University School of Communication*. 2016. Available at: <https://www.american.edu/soc/news/digital-diplomacy-q-a.cfm> (Accessed: 06.02.2021).
19. Hanson F. Revolution @State: The Spread of eDiplomacy, *Lowy Institute*. 2012. Available at: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/03_ediplomacy_hanson.pdf (Accessed: 06.02.2021).